

№409 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

СТАЛКЕР

В нынешнем уставном чтении отрывка из 10-й главы Евангелия от Иоанна звучат архиважные слова, в значительной степени определяющие христианское мировоззрение. Кто для нас Христос? Учитель? Пророк? Целитель?

Сам Иисус отвечает: «Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасётся...» (Ин.10,9). Что бы значили сии слова?

Во-первых, что есть «спасение» в данном контексте? Именно в данном, потому что обычно под «спасением» подразумевается освобождение от греховно-порочных зависимостей. В данном же контексте «спасение» означает «приход» к Богу, «приближение» к Нему, «единение» со Всевышним.

Ну а как? Ведь главным существенным свойством бытия Божия является Его **трансцендентность**. Он **запределен** материальному миру. Не в смысле некоей **пространственной** границы, а принципиально **иного бытия**. Творец вне времени и вне пространства. Во всей нашей Вселенной нет ничего, хотя бы отдалённо подобного Всевышнему. По логике вещей, Он вообще не должен никак соприкасаться с миром материальным. Однако Трансцендентный Бог, непостижимым для нашего разума образом, проявляет противоположное качество – имманентность, сопричастность нам и нашему миру. Именно в этом заключается головокружительная антиномичность нашего Небесного Отца – обладание взаимоисключающими свойствами – запределённостью и сопричастностью. Всевышний, невзирая на бесконечную разницу («бесконечную» в абсолютном смысле слова), тем не менее, коммуницирует с нами – отвечает на наши молитвенные к Нему обращения, проявляет трогательную заботу о каждом из нас.

И, тем не менее, наша стратегическая перспектива в вечности – это единение с Богом, причём, «единение» не в образном, метафорическом смысле, а в существенном, онтологическом. Но само по себе это абсолютно нереально не только теоретически, но и практически (исходя из духовного опыта просветлённых аскетов). Ну, вот, к примеру - даже в самой дальней перспективе нам невозможно побывать на какой-либо планете, хотя бы, скажем, в Галактике Андромеды, потому, что лететь к ней нужно будет эдак два с половиной миллиона лет со скоростью света (300000 км/сек). Однако учёными допускается суще-

ствование в космосе зон, представляющих собою своего рода «окна», пролетая через которые попадаешь возможно сразу в противоположный, так сказать, конец Вселенной, на расстоянии многих миллиардов световых лет.

Это, конечно, слабый образ для Христа, хотя Он действительно является таким вот «Окном», космическими «Вратами», посредством которых мы оказываемся близ Бога. Только, ведь, задача гораздо сложнее – дело не в **пространственной** удалённости (Бог вездесущ), а в **бытийной несовместимости**. И вот Христос исполняет роль, образно говоря, **моста** между мирами – материальным (неважно, что он собою представляет) и духовным, Божественным, или сталкера – Проводника, или Посредника между людьми и Мiroдержцем.

Откуда такая возможность? Иисус одновременно и Бог, и человек – Богочеловек – воплощение 2-го лица Пресвятой Троицы.

Ну и ещё одну важную вещь мы слышим в сегодняшнем Евангельском чтении. Христос сообщает, что «у Него есть и другие, образно говоря, «овцы», которые не сего двора, и тех надлежит Ему привести» (Ин.10,16). Привести куда? - К Богу, конечно, – Отцу нашему Небесному.

Кого привести, кого представляют собою «овцы не сего двора»? Это люди, находящиеся вне Церкви, но совестливые, отзывчивые, добрые, те, которые, по слову апостола Павла, «естеством законное творят» (Рим.2,15). Это могут быть и буддисты, и мусульмане, и атеисты, да и вообще - кто угодно.

ЗАКОН И СВОБОДА ВО ХРИСТЕ

Итак, у любой заповеди (Ветхозаветной) есть одно свойство: она однозначна, она не допускает двусмысленности. Не бывает так, чтобы – с одной стороны это, конечно, нарушение заповеди, а с другой – вроде как, и не нарушение. С одной стороны – воровство, а с другой – благое дело. Так не бывает. Если взял чужое – значит, украл. Если взял без спросу – все равно украл. Взял почитать книгу и забыл вернуть – украл, значит. Можешь потом вернуть. Но это значит, что ты пытаешься компенсировать, нанесённый тобою же урон. Покаяние? Но всё равно – украл. Или попросил на время и не вернул – всё равно украл.

Заповедь – это то, что должно исполняться беспрекословно, всегда и непреложно. В Новом Завете, конечно, подход иной – «Не человек для субботы, а суббота для человека» (Мк.2,23). Иисус демонстративно нарушал всевозможные старые установления, утверждая иерархию ценностей на фундаменте доброты и милосердия. Посему-то в Новом Завете и не действуют никакие законы, а мерилom праведности является совесть – внутренний закон, написанный на скрижалях сердец человеческих.

А вот в дохристианском иудаизме, да и нынче, в известной степени – всё однозначно. Вот нельзя в субботу ничего делать, значит, и кнопку в лифте нажать недопустимо. И неважно, зачем тебе на 9-й этаж подниматься, быть может, посетить тяжко-больного. Причем, если мы говорим о заповедях Декалога, то отход от них – это, вообще-то говоря, смерть для человека, что недвусмысленно подчеркивалось и формой наказания за их нарушение.

Большевики, если помните, оправдывали экспроприацию собственности у имущих клас-

сов лозунгом: «Грабь награбленное». Дескать, всё это накоплено за счет того, что народ нещадно эксплуатировали. И доля правды в этом действительно есть. Владимир Соловьев даже отмечал, что правда социализма заключается в том, что это расхожий момент, который объединял идейных социалистов с радикальными коммунистами вроде Маркса и Бакунина, и что, действительно, капиталистическая форма отчуждения прибыли, когда производят многие, а присваивают некоторые – это то, что лишено справедливости, и в той или иной форме, хоть завуалированной, хоть открытой, это отчуждение всё равно того, что тебе не принадлежит. Но в этом только доля истины. Потому что если присваивает один, а сто человек требует вернуть это обратно, то это можно сделать, только как? Чтобы этот человек каким-то образом нашёл возможность этим ста людям что-то вернуть. А не так, что эти сто человек изымут то, что они посчитали присвоенным, что ещё надо доказать. Так что, совсем не проста эта проблема, в которой мы, как граждане Украины, продолжаем сосуществовать. Так вот, это отчуждение – оно действительно должно происходить, но нельзя же с этим обходиться так, как Шариков предлагал – помните? «Всё отобрать и поделить». Потому что «всё отобрать» – это значит отобрать ещё и то, что принадлежит, в том числе, и хозяину, причём, сколько именно ему принадлежит – не так-то просто посчитать, ведь он же и рискует намного больше, чем любой из наёмных рабочих. Наёмный работник рискует тем, что в случае банкротства он просто не получит свою зарплату, а вот хозяин потеряет всё. Совсем другой масштаб, значит, и стоит дороже. Следовательно, тут **есть** элемент присвоения чужого, но он не так-то легко вычисляется – где чужое, а где не чужое. Математически это вычислить, наверное, нельзя. Потому что, математически вычисленной экономической справедливости чаще всего не существует. Такой, однозначной. Хотя, конечно, может быть **климат** справедливости, в котором живут люди в согласии, и это вопрос соотношения христианства и экономического среза жизни общества. Об этом мы тоже, если даст Бог, размыслим.

Да, так о воровстве. Здесь присутствует вопрос: я чужое, случайно себе не присваиваю? Вопрос здесь и для предпринимателя, и для наёмника. Конечно, с точки зрения права, всё нормально. Тебе предлагают контракт: работаешь столько-то, делаешь то-то, получать будешь столько-то - не хочешь – не подписывай. Но очевидно же, что за условиями контракта очень часто стоят социальные условия данной конкретной экономической ситуации, и так далее. В условиях Украины на сегодняшний день с наёмным работником могут сделать всё, что угодно. Приблизительно то же, что можно было сделать с французом или англичанином в первой половине 19-го века. Не желаешь принимать такие условия – иди на все четыре стороны, я другого найду, и очень быстро. Сейчас, конечно, становится легче – в Польшу можно поехать на заработки, в Чехию, Болгарию. И постепенно выясняется, что другого найти не так-то легко. И, тем не менее.

Но сам по себе вопрос о воровстве или не воровстве – он всегда однозначен. Не может быть с одной стороны - «да», а с другой стороны - «нет». Вроде, как украл, вроде, как и не украл. Вот Деточкин с его замечательной ситуацией – помните Ефремова в роли следователя, который на суде говорит: «Он виноват. Но он и не виноват». Понятно, что имеется в виду. Но если ставить вопрос ребром: «он воровал или не воровал машины?», то машины он воровал. Уж что он с ними делал потом, продавал и отдавал деньги детям – с Ветхозаветной точки зрения, да и со стороны светского законода-

тельства - дело двадцать пятое. Но машину он украл. Он взял то, что не его. Строго говоря, и отдавал тоже тем, кому это не принадлежит. И Робин Гуд называется благородным разбойником. Хотя, не рыцарем благородным, а всё же разбойником. Можно много чем оправдывать поведение Робин Гуда, но эту вот заповедь он нарушает. Мы сейчас оставляем за кадром вопрос: «а что надо предпринимать в такой ситуации, как действовать, чтобы вообще ничего не нарушать?». Легко говорить, что Робин Гуд – благородный разбойник.

Но вопрос звучит: а можно было вести себя ещё благородней, чем Робин Гуд, быть благородным, но при этом не быть разбойником? Может быть, но проблема в том, что надо ещё уметь показать, как. Чтобы это была равновеликая позиция, и при этом она превышала бы нравственный статус того, как жил, скажем, тот же Робин Гуд или Юрий Деточкин. Потому что, с другой стороны, подкупает, что эти люди действуют, **как умеют**, пытаются эти кривизны выпрямлять. Очевидно, что такое действие возможно там, где очень большая кривизна в обществе существует, иначе бы не было места таким персонажам. Но дело в том, что эта кривизна не столько исправляется, сколь из выпуклой становится вогнутой. Может быть, менее вогнутой, чем была выпуклой, но всё-таки прямой не стала. И для нас, христиан - это вовсе непростая проблема, потому, что для иудея – вот, что запрещено – того нельзя, а христианине-то – «не под законом, а под благодатью». А свобода во Христе – штука далеко непростая – она предполагает высокую ответственность за каждый поступок. Одно дело - следовать готовым проверенным инструкциям - исполнил заповедь и живи спокойно, а иное – самому думать, обращаться к совести (если она есть) и решать.

А интеллект – штука зачастую продажная – обосновать может что угодно, в угоду похотям: «Ну что там – не пожелай жены ближнего своего, или – не прелюбодействуй - это устарело, это мелочь, а высокие чувства – они, как известно, стоят любых жертв... Ну, какое прелюбодеяние сейчас, когда всё меняется, человечество проделало такой путь...» И, поскольку современное человечество на эту ногу сильно хромает, то любое оправдание воспринимается «на ура». «Ну, мол, патриархальная моногамная семья уже давно устарела, как известно, личностный поиск своего другого «я» занимает много времени, не прожить же жизнь неполноценно...». Дескать, такая железобетонно исполняемая заповедь – она могла быть характерна для очень патриархального общества. Где человек, достигая определённого возраста, понимал, что ему надо жениться, потому что это было формой его социального самоутверждения, обретения социального статуса. И вообще, поди, в Ветхом Завете сказано, что ежели у человека нет семьи, то он неполноценен. Одинокие люди действительно воспринимались тогда неполноценными. Ну и спрашивается, как эту норму можно примерять на сегодняшних людей, в частности, на современных женщин, которые никак не могут быть сопоставлены в своём социальном статусе, например, с Суламифью?

Конечно, не могут. Во многих отношениях – не могут. Но только в одном этом отношении всё осталось так же, как было. Верность есть верность, измена есть измена. А любовь – всегда любовь, во все времена. Она не может примириться с тем, что называется изменой, как это ни называть – творческий поиск родственной души, - ещё сюда можно кучу красивых слов наплести... Но всё это будет очень дешёвым оправданием.

Предыдущие №№ «Седмицы» на сайте: <http://pravoslav.tv>
Листочек передайте, кому сочтёте нужным